

Софья Суркова

Софья Суркова родилась в 1999 году в Московской области, с 2017 года – студентка Литературного института. Публиковалась в журналах «Флаги», «Ф-письмо», «Воздух», «Волга», TextOnly, «Цирк "Олимп"+TV», «Literrатура», «Парадигма», на порталах «Грёза», «Солонеба», «Полутона». Переводила стихотворения Чарльза Симики для сборника «Открыто допоздна» («Полифем», 2021) и ряд стихотворений европейских и индийских авторов ко Всемирному дню поэзии (2021). Шорт-лист молодёжной поэтической премии «Цикада» (2021).

ПОСМЕРТНАЯ ФОТОГРАФИЯ

Рассказ

Посвящается дедушке Валере, чья смерть навсегда омрачила мою жизнь

*После детства я ходил с тяжёлым сердцем,
Прицепив под ним твой образ, как японцы носят нэцкэ.
Зангези*

Дедушка Валера был самый огромный и самый великанский из всех, кого я знала. Вот наглядный случай: мы строили на участке сарай, он состоял из брёвен с выемками по обеим сторонам, срубами они укладывались друг на друга. Отец с другом еле как поднимали бревно вдвоём и волокли к постройке, а дедушка просто брал его под мышку и водружал. Как ни в чём не бывало. Я поражаюсь.

Он жил в Стрежевом, это Сибирь, там Новый год наступает на четыре часа раньше. Он всегда говорил так, у меня книжный бизнес. Это была правда, в Стрежевом он держал несколько книжных лавок. Он очень любил читать; в молодости, когда был дефицит книг, он покупал по несколько экземпляров одной и той же книжки, чтобы потом обменять их на другие. Из этого и вырос его книжный бизнес.

Он приучил читать меня. Приезжая к нам в гости, он привозил мне коробку книг, к следующему его визиту я должна была их все прочесть и потом рассказать ему, что думаю. Там было очень много книг про сирот.

Дедушка любил Маяковского и Некрасова, он говорил мне: «иди сюда на перекрёсток моих больших и неуклюжих рук» или «и это оскорбление на общий счёт нанижем». Он раскидывал руки и говорил, ну что, видишь, видишь? вот! перекрёсток рук! Или пояснял: нанизывают обычно что? мясо на шампур! так же и я, когда женщины меня обижают...

Он читал мне на ночь «Кому на Руси жить хорошо», и когда я наивно спросила, что такое «временнообязанные», он сказал, Соня, ты что, дура? И вот это «ты что, дура?» стало лучшими словами во всей моей жизни, я ношу это очень глубоко в своём сердце, и когда случаются трудные и сложные времена, я спрашиваю, Соня, ты что, дура? И тогда становится мне светло и привольно.

Летом они с бабушкой Фаей подолгу у нас жили, тогда он читал мне или вместе со мной. Я помню «Ваньку». Когда я была маленькой, мама бережливо ограждала меня от всяких потрясений. Ванька Жуков стал первым. Дедушка читал вслух, а я прыгала вокруг на резиновом шаре. Он прочёл: «на деревню дедушке, Константин Макарычу», тогда я остановилась прыгать и горько заплакала.

Я не знаю, любил ли он Толстого, но всегда говорил про Пьера Безухова и Андрея Болконского. Он говорил мне, всегда думай, как поступил бы Пьер Безухов, но помни, что

ты не он. Он рассказывал мне, как умер Андрей Болконский. Но даже Болконскому не удалось умереть также невероятно, как моему дедушке. Болконский видел, как на него летит ядро, но он не падал, потому что падать стыдно. Дедушка сказал, что эта история про честь. Я всё запомнила, я тоже большая авантюристка! И когда становится очень трудно, я вспоминаю только одно – падать стыдно.

Я много кем хотела стать: хирургиней (не чтобы лечить людей, но чтобы сделать прелестного дельфиноорла, рисунок прилагается), актрисой и писательницей. Но всё оттого, что хотелось бессмертия и гениальности, за которые мне простятся мои мелкие грешки и паршивый характер. Но в четыре года я хотела стать солдаткой, я думала, что солдатки занимаются только тем, что маршируют. Поэтому я взваливала палку на плечо и ходила квадратами по комнате. Дедушка Валера рассказал мне, чем занимаются солдаты, и играли мы с ним уже в другую игру: строили баррикады из подушек, и скрывались за ними, и ползали по-солдатски. Когда я стояла в пикетной очереди у посольства Польши (тогда польским женщинам практически запретили аборты), я опять почувствовала себя солдаткой. Я хотела написать на плакате Я РОЖУ ВАМ ЛЕБАКА, но побоялась и написала the prohibition of abortions is VIOLENCE AGAINST the female body. Я была злая как чёрт.

И вот ещё. Он читал мне вслух Гулливера, доходил до самого интересного момента и откладывал книгу – приходилось продолжать самой. К тому же он обучил меня его методу чтения: нужно выцеплять взглядом всю строку, а не проговаривать слова в голове. Я достаточно быстро читаю. Про Гулливера он поделился со мной секретом, он сказал, многие думают, что там всего две части, про лилипутов и великанов, хотя на самом деле их четыре. Третью я не помню, помню четвертую про гуингнмов и еху. Дедушка сказал, на самом деле эти лошади не так добродетельны, каковыми кажутся, Свифт изобразил общество лицемерных моралистов – я это запомнила, да. И ещё очень их боялась, лошадиные головы наводили на меня ужас.

И вот ещё. Они приезжали к нам из Стрежевого почти на всё лето, большую часть времени он проводил наверху в гостевой комнате, спускался вниз только поесть и посидеть во дворе вечером. Всё время наверху он проводил за книгами, я прибегала туда, и он начинал читать вслух прямо с середины предложения. Так я прослушала отрывками «Отверженных» Гюго. Ничего не помню оттуда, помню только, кто-то постоянно подметал пол, и всё.

В другой раз он читал такую книгу – на обложке значилось имя – Барух Спиноза. Я решила, книга про пень. Это, на самом деле, вполне очевидно, потому что в Спинозе есть спина и заноза. Я нашла Спинозу в лесу и написала об этом рассказ, он начинался так: «На полянке вырос пенёк». Кажется, я не знала, что пни появляются, когда деревья срубают...

И вот ещё. Дедушка Валера научил меня драться. Хотя не совсем так, я просила его научить, но он отказывался и только сказал, бить надо не силой, а весом. Мне очень понравилось, как звучит эта фраза, я множество раз написала её в тетради. Дело вот в чём. Когда мне было четыре, меня растлил двоюродный брат. Он насиловал меня много лет, а в один раз даже поделился мною с друзьями. Отец всегда говорил мне, у всех есть ангел-хранитель, он следит за жизнью человека и оберегает. В общем, в тот раз я сильно надеялась, что придёт мой ангел-хранитель, я представляла его так: бледного, с золотым копьём, в римском одеянии и белыми крыльями как у лебедя. Ангел-хранитель не приходил, хотя я ждала. Когда брат насиловал меня один, он особо не изощрялся, но в тот раз меня заставляли слизывать мочу, а в конце даже отпинали.

Ни в первый, ни в последующие разы я особо не рыпалась и не кричала, это не значит, что я не сопротивлялась. Я каждый раз, лёжа перед ним на спине, со всей силы сжимала колени, он их разжимал. Я могла противостоять только пару секунд, и я противостояла, зная заранее, что он всё равно раздвинет мне ноги. Лет в десять во мне поднялся боевой дух, я решила научиться драться и спросила у дедушки как. Я выяснила, бить надо не силой, а весом. Спряталась за диван, в зазор между ним и стеной, подставила

табурет, он предназначался для чистки зубов, чтобы дети дотягивались до раковины. Я поставила на табурет правую ногу, чтобы опираясь на него, как бы приподняться над своим ростом. Брат нашёл меня довольно быстро, он нагнулся за диван, тогда я сжала кулак и выпрямилась. Кулаком я промахнулась, зато врезалась головой в его лицо и сломала ему нос. Его увезли в травмпункт, и он больше меня не трогал. Я страшно собой гордилась.

И вот ещё. Дедушка Валера рос в деревне под Арзамасом, это Нижегородская область. Они были очень бедные. Его брата один раз посадили на два месяца в тюрьму за то, что он накопил в лесу «общественной» травы на зиму для коровы. Дедушка ненавидел крупы, потому что в детстве они питались только кашей. Оттуда у него сохранилась привычка за едой читать поваренную книгу, чтобы представлять себе более изысканные блюда. Он делал так при мне, а еще приговаривал «очень вкусный суп капустный».

В их сельской школе был всего один учитель, он вёл все предметы. Летом дедушка работал, пас коров, а на вырученные деньги покупал в городе книжки. Он выучил французский по сказкам Шарля Перро и поступил в Томский иняз. У него была идеальная грамматика и ужасное произношение, потому что до института он ни разу не слышал, как говорят на французском. Шарля Перро он мне тоже читал, сразу на двух языках. Эту книгу я помню на ощупь, она была фиолетовой.

И вот ещё. В Томске он встретил бабушку. Её звали Хафиза, потом она сменила имя на Фаина. Она была на несколько курсов его старше, они начали встречаться, когда она уже заканчивала институт. После окончания учёбы она должна была уехать домой в Башкирию, а потом преподавать английский куда-то по распределению. Дедушка рассказывал так, я купил апельсинов и посадил её на подоконник в коридоре общежития. Я понимал, она сейчас уедет, и мы больше никогда не увидимся. Она правда уехала. Тогда дедушка вызнал в институте её адрес и прилетел к ней через день зайцем на самолёте. Она думала, всё это несерьёзно, и не ожидала его увидеть, и очень удивилась, когда он в пять утра появился на пороге её дома.

И вот ещё. Стрежевой был новым городом. Когда они туда переехали, там не было старых людей, только молодые семьи с детьми. Тогда у них уже было две дочери. Мама рассказывала, что дедушка Валера устроился работать в ночную смену на стройку, потому что строителям первым выдавали квартиры. Мама говорила так, мы два месяца жили в палатке и эти два месяца дедушка не спал, потому что работал две смены, преподавателем и на стройке.

И вот ещё. Дедушка Валера не верил в Бога и говорил, я атеист. Один раз он спросил, что мне почитать перед сном. Я сказала Библию. Я так сказала, потому что отец говорил, на ночь нужно читать Библию. Дедушка сказал, Бога нет, и хитро улыбнулся. Он рассказал, учёные летали в космос и не нашли там никакого Бога. Я тогда очень удивилась, потому что не знала, что в Бога можно верить или не верить. Отец говорил, что он есть и всё. Я удивилась бы также сильно, как если бы дедушка заявил, что нет стульев. Я решила назло отцу не верить в Бога вместе с дедушкой. И каждый раз в храме думала, я атеистка. Хотя мне кажется, что тогда, в рьяном отрицании, я сильнее всего верила в Бога, но не от ума, а из необходимости.

И вот ещё. У дедушки был сахарный диабет, все об этом знали. Когда бабушка пыталась колоть ему инсулин, он её шпынял. Ещё у него была меланوما, об этом он никому не рассказал, и никто об этом не знал. Они с бабушкой переехали в Подмоскowie, купили большой дом, где были комнаты для всех. Дедушка снял склад и начал свозить туда книги из Стрежевого. Он ездил один на грузовике, в несколько заходов. Это его сильно подкосило.

И вот они переехали окончательно. Меня отправили к ним в гости на выходные. Первым делом мы съездили в магазин за продуктами, чтобы пожарить мясо. Мы вернулись, я и бабушка вышли из машины, чтобы помочь дедушке загнать её в ворота. Он припарковался и вышел, и упал. И он не мог подняться, соседей не было, а дедушка был

такой огромный и великанский, что мы с бабушкой не могли его тащить. Тогда он пополз, он полз по-солдатски, загребая землю локтями. Мне не было страшно, мне было просто грустно. Меня немного била дрожь, потому что в голове не укладывалось, как такая громадина может ползти. Он дополз от машины до самого дома. Бабушка позвонила отцу, и меня вскоре забрали. И этой ночью он умер.